

Равноудаленная от Запада и Востока, расположенная между северной тайгой и великими степями Евразии, Иркутская «провинция» занимает особое место среди других регионов Сибири. Формировавшаяся на протяжении трех столетий культурная среда Иркутска оказалась очень благоприятной для появления самобытных личностей, но и достаточно суровой в отношении их жизненных путей. В ее художественном пространстве динамично, но не конфликтно пересекаются разные стилевые и стилистические интересы, балансирующие иногда на грани реалистических и поставангардных концепций, но не выходящие в целом за пределы вечных ценностей классической эстетики.

Стабильная динамика художественной ситуации Иркутска, укорененная в исторических и культурных традициях с их здоровым и умеренным консерватизмом, имеет еще одну, может быть, главную причину — уникальную природу, напоенную созидательной энергетикой Байкала.

Освоение Сибири в XVII в. — это цивилизационный прорыв, сравнимый с Великими географическими открытиями. Изменение мироощущения русского человека, связанное с обживанием огромного пространства, обусловило своеобразие сибирской культуры, в основе которой преобладало жизнеутверждающее, оптимистическое начало православной традиции. XVIII в. в Иркутске — это продолжение истории сибирской иконы (так называемое «иркутское барокко»), написание парсун и робкие попытки изобразить реалистический облик человека.

В XIX в. коллективными усилиями прогрессивной интеллигенции, духовенства и просвещенного купечества Иркутск обрел статус культурно-просветительского центра Сибири. Портреты «сиятельных» особ, купцов, духовенства и простых горожан создавали невольные ссыльнопоселенцы — декабристы, путешествующие с дипломатическими миссиями столичные академики живописи и талантливые местные мастера, прошедшие прекрасную академическую школу: *П.И. Старцев* (1842–1903), *М.И. Песков* (1834–1864), *Н.И. Верхотуров* (1862–1942), а также самобытный самоучка — «купеческий портретист» *М.А. Васильев* (1784–1839).

Образ сибиряка как носителя особого типа русского национального характера во всем своеобразии его этнокультурного облика, совмещающего азиатские и чисто русские черты, нашел отражение в творчестве сибирских художников разных поколений. Случилось это, однако, далеко не сразу: сначала облик сибиряка фиксировался во всем своем типическом правдоподобию, и только много позднее — в первой трети XX в. — был запечатлен художниками как *образ*.

В 1927 г. на Первом Всесибирском съезде художников, проходившем на фоне Первой Всесибирской выставки, его главный теоретик, художник-педагог И.Л. Копылов объявил о рождении «сибирского стиля» в советском изобразительном искусстве:

«Сибирь даст в будущем и Венеции, и Флоренции, и Мюнхены, — Сибирь для развития большого искусства я считаю самым удачным местом в СССР». Однако «сибирский стиль» не стал явлением коллективным. Как отмечала иркутская газета «Власть труда»: «Настоящая, подлинная душа еще не вскрыта нашими художниками, есть пока только сибирский материал, с которым многие... обращаются бережно и умело». Между тем «сибирский стиль» уже существовал... В горячих дискуссиях о его задачах и путях развития никто из художников не обратил внимания, что экспрессивный неоклассический стиль *Николая Андреевича Андреева* (1889–1938) и есть выражение идейно-эстетических идеалов нового сибирского искусства.

Во внешне и психологически достоверных образах чалдонов и аборигенов Сибири Н.А. Андреев выразил глубинные основы человеческого бытования в сложном переплетении его родовых, природных, социальных связей. Торжественно ясный и одновременно тревожный строй живописных повествований художника имеет смысловую и эмоциональную многосложность: на размышления художника о вечном времени и краткости человеческой жизни, о вселенской красоте природы и прозе каждодневных людских будней наслаивается ностальгия по обетованной земле и недостижимой гармонии.

Искусство *Алексея Петровича Жибинова* (1905–1955) не лишено противоречий и напряженных внутренних конфликтов. Художник пробовал себя в символизме, обращался к «синтетическому реализму» Павла Филонова, а в поздний период — к реалистической традиции. Его светлые мечты о возможном счастье разбивались о горькие разочарования в действительном мироустройстве. Только, пожалуй, в редких по исповедальной силе автопортретах художник обретал искомое равновесие между возвышенным идеалом и драматическими реалиями времени.

В конце 1950-х гг. на необъятные сибирские просторы «за туманом и за запахом тайги» хлынул широкий поток строителей новой социалистической Сибири. Вслед за ними в неведомые, почти экзотические края устремились творческие бригады «суровых» романтиков в искусстве. То, чем занимались местные художники, столичной, авангардно настроенной молодежи казалось слишком традиционным и провинциальным. Между тем иркутских мастеров привлекала не внешняя новизна трактовок, а новизна внутренних мироощущений современников. Избегая пафосности, они писали свои русские характеры, обыкновенные в повседневной жизни и замечательные в моменты редкого душевного самораскрытия.

Военное лихолетье, полугодное студенческое время, обманчивые свободы оттепели, тихая рутина застоя сформировали особый жизнестойкий и жизнелюбивый тип художника: личность нравственно здоровую, открытую миру, ответственную за свое предназначение и ремесло. Именно в 1950–1980-е гг. появились самые светлые, искренние, человеческие портретные образы современников.

Когда выпускник Харьковского художественного института А.И. Вычужжанин (1929–1984) вместе с однокурсниками А.И. Алексеевым (род. 1929) и Г.В. Богдановым (1926–1991) приехали в Иркутск, здесь уже существовала своя художественная традиция и начинали свой творческий путь замечательные мастера портрета В.В. Тетенькин, А.Г. Костовский, А.Ф. Рубцов и другие.

На иркутской почве раскрылся яркий самобытный талант портретиста *Аркадия Ивановича Вычужжанина*. Он был философом и мудрецом, человеком немногословным и скупым на внешние проявления эмоций. Так же сдержанны и

благородны, исполнены чувства собственного достоинства образы творческой интеллигенции и простых тружеников в его портретах. Для Вычугжанина, внимательного и тонкого психолога, не существовало внутренних тайников личности. Его камерные, лаконичные по исполнению портреты («Автопортрет») или развернутые в пространстве портретные композиции («Портрет скульптора Ряшенцева») исполнены искренней веры в нравственное, созидательное предназначение человека.

В магических пространствах портретов *Владимира Владимировича Тетенькина* (1929–2009), словно сотканных из чарующих вибраций и нюансов цвета, легко, свободно, естественно пребывают скромные и обаятельные женщины, умудренные жизнью художники и простые деревенские жители, чистые в своей душевной открытости («Студентка»). Во внутреннем мире его моделей есть некий отзвук живой природы, поскольку В.В. Тетенькин, как и другие иркутские мастера, был великолепным пейзажистом, понимающим, что природа не только гармонизирует внутренний мир личности, но и обостряет ее реакцию на духовно-нравственный климат общества.

В портретных образах *Анатолия Георгиевича Костовского* (1928–2018), пожалуй, самого сибирского по духу мастера, как бы сконцентрирована духовная энергетика его героев, их витальная, природная сила, мужественное приятие жизни, неизбывная вера в творческое предназначение человека («Портрет художника Леви»). Гибкий, выразительный пластический язык художника, почти избыточный по богатству цветовой палитры, всегда подчинен портретной ситуации, каждый раз новой и неожиданной.

В портретах *Галины Евгеньевны Новиковой* (1940–2000) как бы соединились два времени: советское, в котором сформировался духовный облик художника, и настоящее, остро предчувствующее драматические катаклизмы техногенной цивилизации. Пронзительно, глубоко воспринятая чужая жизнь или драматические изломы собственной судьбы словно бы не изображаются, а впрессовываются в жестковато-прочную, вибрирующую под напором образной информации форму ее портретов и автопортретов. Рационально-прагматическое, отчужденное существование человека в мире Г. Новикова не приняла, предпочитая добровольный уход в спасительный мир метафоры или «бездеятельное» творческое созерцание жизни («Автопортрет с бабушкой», «Портрет артиста М. Ульянова»).

Г. Новикова была соавтором одного из самых драматических сюжетов иркутской истории изобразительного искусства рубежа XX–XXI вв. и невольным свидетелем преждевременного завершения творческих биографий тогда еще молодых прижизненных классиков Сергея Коренева, Бориса Десяткина и Юрия Митькина.

«Потерянное поколение» художников не стало поколением нигилистов и ниспровергателей. В их коротком творческом времени царил культ учителей и духовных наставников. Интеллектуально-метафорические (С. Коренев), субъективно-романтические (Б. Десяткин, Н. Вершинин), лирико-психологические (Д. Лысяков, Ю. Карнаухов) портретные концепции возникали в недрах «старого» реалистического метода, обретавшего в потоке времени новые неожиданные черты и свойства.

Остро чувствуя неровный, болезненный пульс своего времени, *Сергей Ананьевич Коренев* (1953–1999) созерцал человеческие судьбы из своего сокровенного поэтического далека. Случайный осколок Серебряного века, эстет и поклонник изящного стиля, он писал портреты, поражающие странным сочетанием пронзи-

тельного обаяния, душевной чистоты и нездешней задумчивой печали. Свободный и одинокий, художник наполнял свои портретные элегии «горьким, пьянящим вкусом жизни» (Ш. Бодлер).

Если в этом рубежном времени С. Коренев был случайным «очарованным странником», то его соратники Б. Десяткин и Н. Вершинин оказались бунтарями и живописными экстремистами.

Мироощущение *Бориса Васильевича Десяткина* (1948–1996) было фаталистическим. Обратные стороны его напряженных по цветовой палитре портретов содержали странные комментарии: «Все, конец, я победил». Б. Десяткин пытался расшифровать сакральный рисунок собственной личности, чтобы через напряженное самопознание понять и принять другого человека. Портреты Б. Десяткина сравнимы с театральными постановками, в которых каждый персонаж играет предначертанную ему роль: смешную, нелепую, трагическую. В его портретных пророчествах угадывались неясные контуры будущего, лишённого эсхатологического исхода.

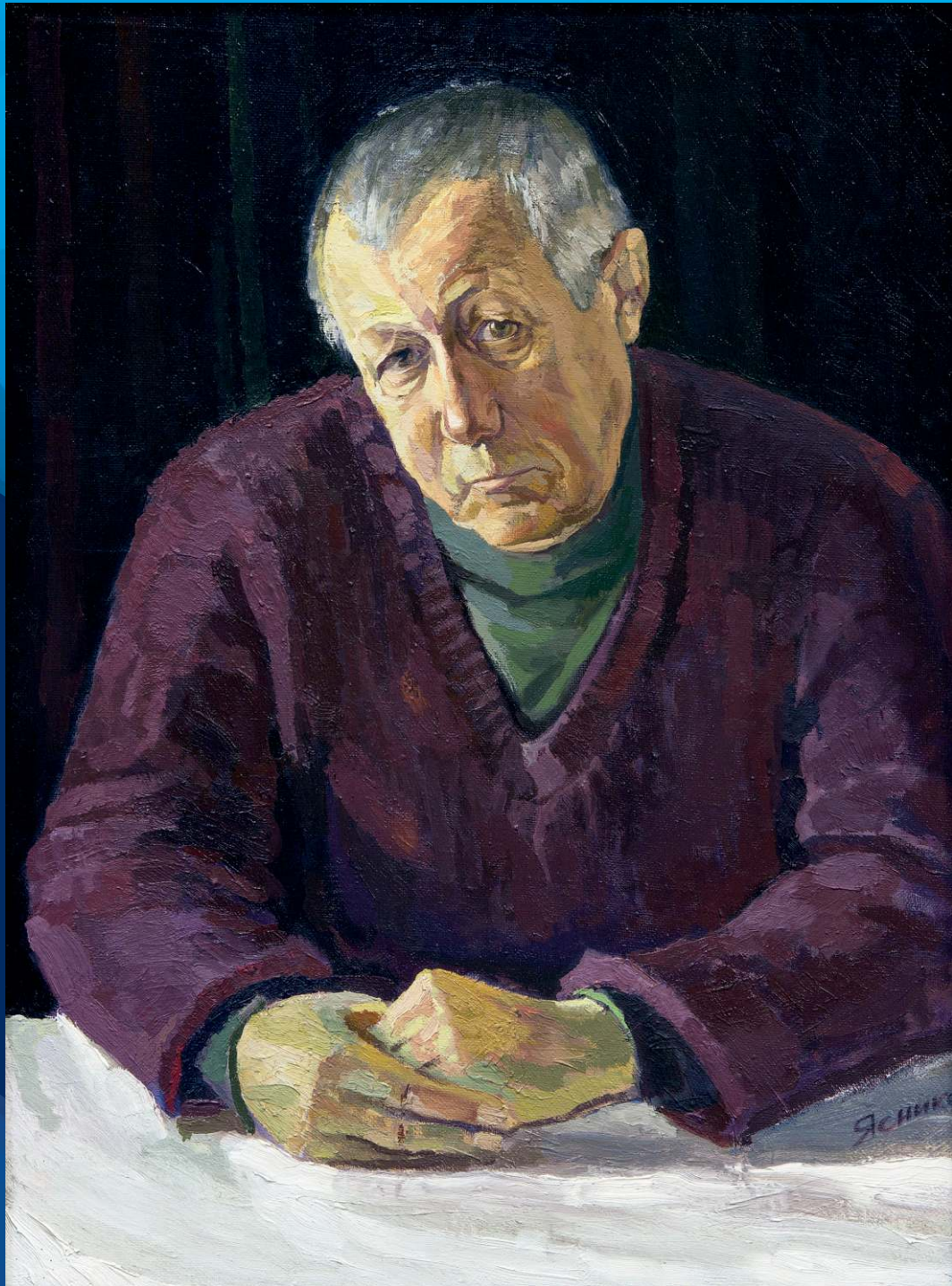
Подобно Б. Десяткину, *Николай Николаевич Вершинин* (1957–2007) был творчески одержимым живописцем. Его портретные образы часто перерастали в бессюжетные повествования и почти не подлежали внятному пересказу. Жизненные пути его мятущихся, снедаемых сильными и возвышенными страстями героев словно были предначертаны свыше: не случайно событийное пространство его портретов было насыщено сакральной символикой (пламя свечи, луна, икона, палитра) и астрологическими знаками.

Портретная живопись нового поколения художников, следуя закону вечного возвращения, вновь обретает спокойный и сосредоточенный психологизм, свободный от конфликтов и борьбы противоположностей. На фоне отвлеченно-рациональных потоков современного поставангарда *Юрий Карнаухов* (род. 1957) и *Дмитрий Лысяков* (род. 1967) останавливают свой сознательный выбор на неуязвимых традициях портретного реализма. «В искусстве цену... искренность, а не оригинальность. С этих позиций я и выстраиваю свой диалог с окружающим миром» (Д. Лысяков). Ему вторит Ю. Карнаухов: «Общество вернется к одухотворенному великому искусству... Только реалистическое искусство имеет широкий диапазон и жизненную силу».

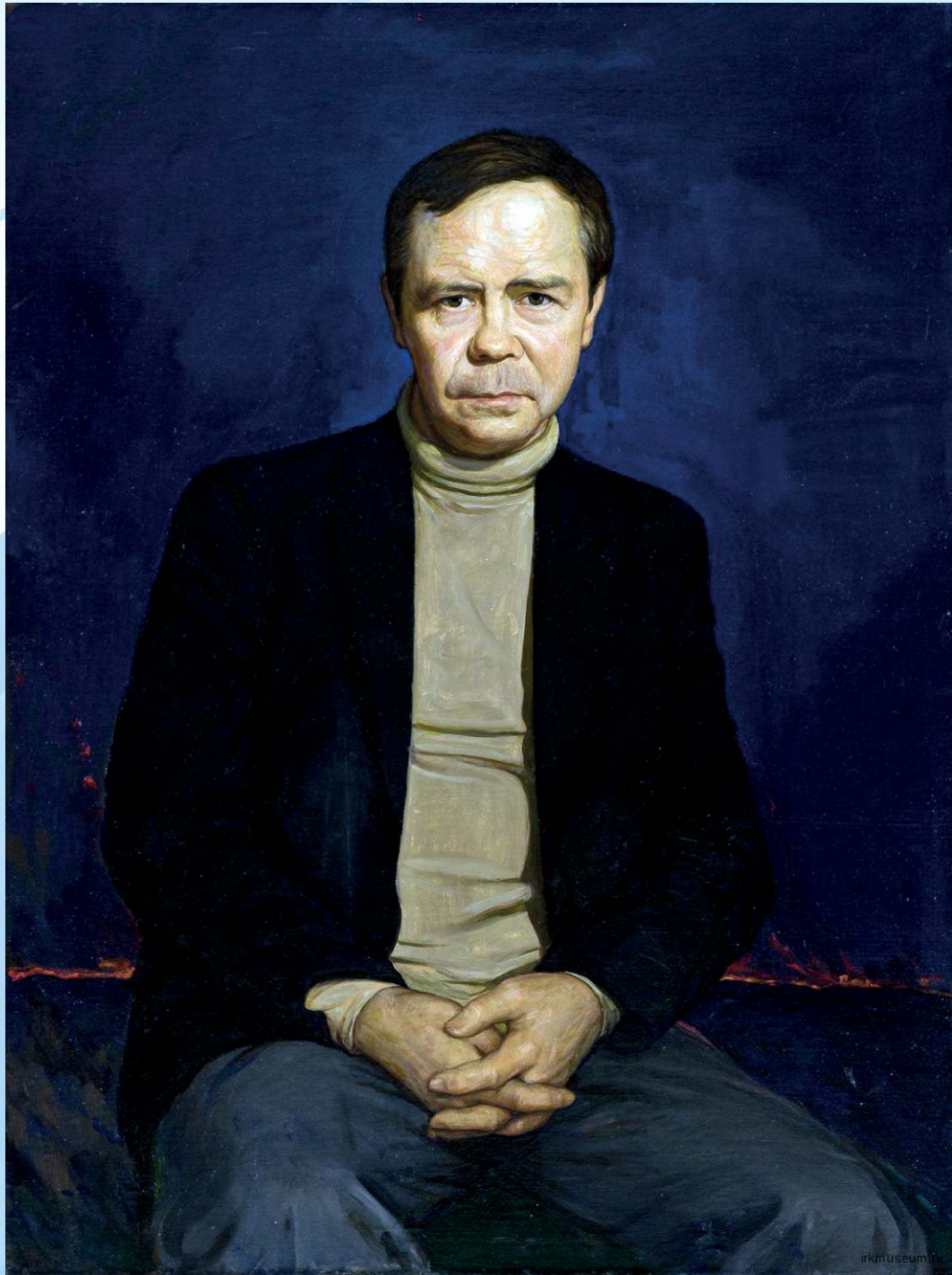
Таковы самые характерные признаки и узловы моменты эволюции иркутского живописного портрета. Время, в котором существует и творит художник, находится в непростых отношениях со временем художественного образа. Творческое сознание, воля и интуиция художника позволяют видеть человека не только «здесь и сейчас», но и «над временем» — в контексте выработанных культурной традицией идеалов, моральных норм и философско-эстетических категорий.

<http://сибирскиеогни.рф/content/irkutskiy-portret>

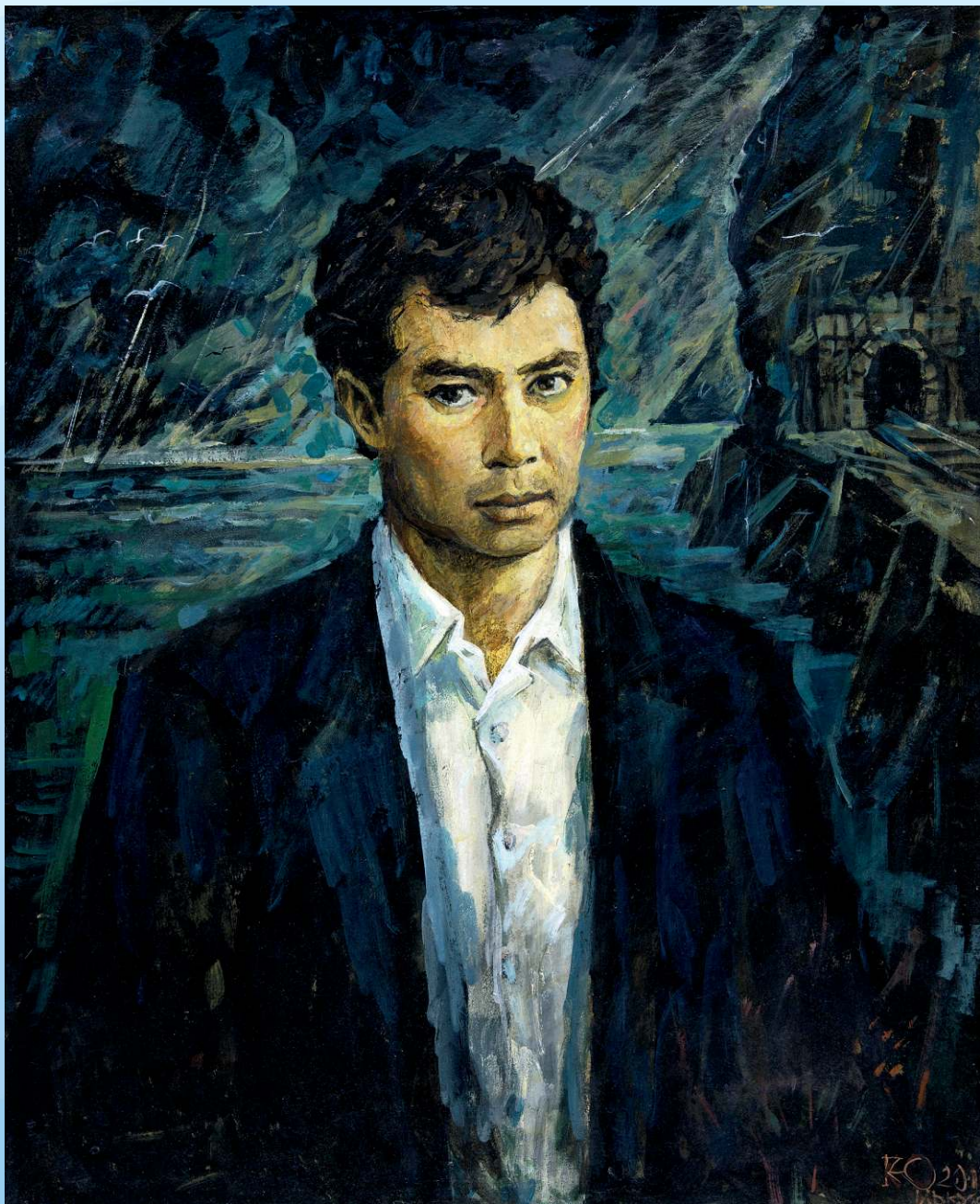
На страницах обложки и вклейки репродукции портретов из фондов Иркутского художественного музея и архива издателя Мурзина С.Н.

Ф. Ясников. Портрет Альберта Гурулёва

И. Глазунов. Портрет Валентина Распутина

Ю. Квасов. Драматург Александр Вампилов

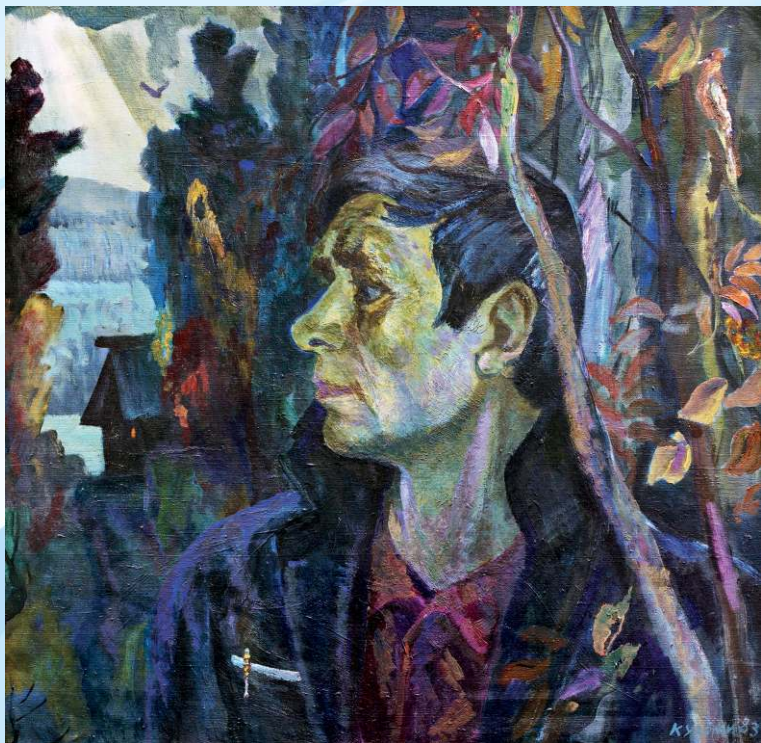

А. Костовский. Портрет Алексея Зверева

Н. Житков. Портрет Гавриила Кунгурова

В. Кузьмин. Портрет Евгения Суворова

Н. Житков. Портрет Геннадия Машкина

А. Костовский. Портрет Михаила Трофимова

А. Алексеев. Портрет Валентина Распутина